

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Рецензия на книгу «Демографическое развитие постсоветского пространства»

СЕРГЕЙ ШУЛЬГИН

В рецензии анализируется сборник статей и аналитических материалов «Демографическое развитие постсоветского пространства», вышедший в 2018 г. на Экономическом факультете МГУ в Центре по изучению проблем народонаселения. Сборник посвящен демографическому развитию стран, возникших после распада СССР в конце 1991 г. Основной акцент сделан на исследовании демографических процессов в этих странах за последние 25 лет (с момента их возникновения). В сборнике анализируется динамика численности населения, процессы рождаемости и миграции, особенности расселения и урбанизации, демографическая политика и многое другое. Авторы сборника заглядывают как в советское прошлое в главах, посвященных истории миграционных процессов (с 1950-х годов), так и в будущее: через варианты демографического прогноза отдельных стран до 2030 г. В публикуемой рецензии затрагивается лишь часть обширных материалов сборника.

Ключевые слова: *постсоветские страны, СССР, демография, численность населения, рождаемость, миграция.*

Страны постсоветского пространства – сложный для понимания и при этом исключительно интересный для изучения объект исследования. С точки зрения демографа, это объект, в который входят как европейские страны со своими демографическими особенностями (высокой продолжительностью жизни, низкой рождаемостью, старением населения), так и среднеазиатские страны, которые находятся на другой стадии демографического развития (высокие темпы рождаемости, высокая смертность, структура населения, в которой преобладает население младших возрастных групп). На все это накладывается трансформационный спад, связанный с распадом Советского Союза, малочисленным поколением родившихся в 90-е годы, резким падением уровня жизни и её продолжительности в большинстве постсоветских стран, разрывом сложных экономических и социальных связей и др.

Для российского читателя демография постсоветского пространства особенно интересна, так как мы разделяем общий язык, общую экономику, науку, культуру и др. Часть этих связей постепенно исчезает (например, доля владеющих русским языком во многих постсоветских странах в более молодых поколениях существенно сокращается), но возникают и новые связи (например, интеграция в рамках ЕАЭС). Демография постсоветского пространства интересна, так как со странами постсоветского пространства Россия разделяет рынки труда, и процессы, происходящие на постсоветском пространстве, напрямую влияют и будут влиять на ситуацию в России.

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ШУЛЬГИН (sergey@shulgin.ru), РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ, РОССИЯ.

РЕЦЕНЗИЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В АВГУСТЕ 2018 Г.

Важная для понимания демографии постсоветского пространства идея, которую можно почерпнуть уже из введения книги, что текущее направление демографического развития, наблюдаемое в постсоветских странах, сформировалось ещё до распада СССР.

В первой главе анализируется численность населения, изменение её структуры в постсоветских странах с конца 1980-х годов по настоящее время. Авторы пишут, что после распада СССР из постсоветских стран прирост населения наблюдался в Средней Азии и Закавказье, но можно заметить, что численность населения выросла только в «мусульманских» странах: из Закавказья единственной страной, в которой выросло население, был Азербайджан, а в Грузии и Армении естественный прирост оказался меньше миграционного выбытия [Демографическое развитие... 2018: гл. 1: табл. 1, 2: 14-15]¹.

Интересно, что динамика естественного и миграционного движения в большинстве постсоветских стран оказывается противоположно направленной, т.е. отдельные страны продолжают быть частью общей системы, в которой миграционные потоки балансируют естественный прирост или убыль населения, сглаживая изменения численности населения в отдельных странах. Исключением являются страны Прибалтики, в которых миграционный отток в страны Европейского Союза в сочетании с естественной убылью привели к значительному сокращению численности населения.

Существующая возрастная структура населения в постсоветских странах также является прямым наследием механизмов воспроизводства населения, которые сформировались до распада СССР. Анализируя демографическую нагрузку на трудоспособное население, авторы отмечают, что во всех постсоветских странах наблюдается сопоставимый уровень: на 1000 человек трудоспособного населения во всех постсоветских странах приходится порядка 500-600 человек в возрастах младше или старше трудоспособного. Однако существенно различается природа этого показателя по регионам: в странах Средней Азии и Закавказья основная демографическая нагрузка возникает из-за высокой доли детей в структуре населения, а в европейской части бывшего Советского Союза – за счет высокой доли пенсионеров. Промежуточное положение занимают Молдавия и Грузия, в которых демографическая нагрузка на трудоспособное население оказывается равномерно распределена между детьми и пенсионерами [гл. 1: табл. 5: 25].

Анализируя динамику этнических процессов в постсоветских странах, авторы отмечают, что во всех странах (за одним исключением) увеличивается доля титульных (коренных) народов: 14 из 15 стран бывшего Советского Союза стали значительно более мононациональными [приложение А: табл. А2: 298-302; гл. 1: табл. 10: 39]. Единственным же исключением в этом общем процессе усиления мононациональности на постсоветском пространстве оказывается Россия. Значительную роль в этом сыграла миграция населения в Россию из остальных постсоветских стран. Среди уезжающих в Россию значительную долю составляет русское население (его доля снижается во всех постсоветских странах), а с точки зрения России миграционный поток прибывающих оказывается более этнически разнообразным, чем существующая структура населения. Доля русских среди прибывающих в Россию ниже, чем доля русских в составе населения страны. Так, в России

¹ Далее при цитировании или отсылке к этой книге будут даваться только номера страниц, глав, таблиц.

доля населения, относящего себя к русской национальности, сокращается с 81,5% (по переписи 1989 г.) до 77,7% (по данным переписи 2010 г.).

Вторая глава сборника посвящена анализу процессов рождаемости в постсоветских странах. После 1990 г. во всех без исключения странах бывшего Советского Союза рождаемость значительно упала (рисунок 1). На процесс сокращения рождаемости, который происходил в странах Средней Азии и Азербайджане, наложился трансформационный спад, затронувший все постсоветские страны. В некоторых странах, таких как Грузия и Казахстан, суммарный коэффициент рождаемости (СКР) к 2016 г. практически восстанавливается до уровней 1990-х годов.

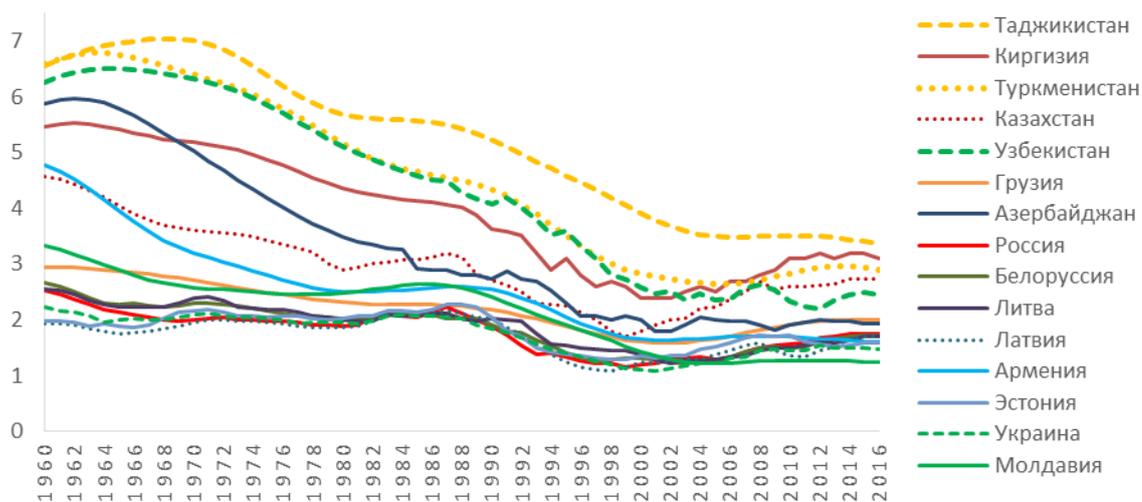

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости в постсоветских странах

Источник: Данные Всемирного банка. URL: <http://sergey.shulgin.ru/files/2018/tfr.2018.html> (дата обращения: 10.07.2018).

Во второй главе читатель сможет найти анализ процессов рождаемости с использованием данных по порядку рождений, возрастной модели рождаемости и её динамики, а также статистику рождаемости в реальных поколениях [гл. 2: табл. 6: 82-83].

По всем странам, по которым авторы смогли найти статистику возрастных коэффициентов рождаемости по порядку рождения, суммарный коэффициент рождаемости в условном поколении по первым рождениям в 1990 г. имеет значение около 1. К 2015 г. на этом уровне остались только страны Средней Азии и Азербайджан [гл. 2: табл. 2: 63]. В странах Балтии в конце 90-х годов СКР по первым рождениям падает до 0,6-0,65 и восстанавливается до уровней 0,7-0,8 к 2015 г. Авторы объясняют это изменением возрастной модели рождаемости и откладыванием первого ребенка на более поздние возраста. Похожие изменения происходили в России и Белоруссии (и, по всей видимости, на Украине, для которой не представлены ряды данных по порядку рождения). На примере возрастной модели рождаемости снова хорошо видны различия между европейской и среднеазиатской моделью. Интересно, что, несмотря на эти различия, соотношения между СКР по вторым рождениям к СКР по первым рождением во всех постсоветских странах (как с высокой, так и с низкой рождаемостью) оказываются более 80%. Для реальных поколений отношения СКР по порядку рождений в 80% можно было бы интерпретировать

как то, что 80% из тех, кто решил завести первого ребенка, заводят и второго (т.е. менее 20% женщин рожают лишь одного ребенка). В показателях, рассчитанных в условных поколениях, на эту интерпретацию накладываются тайминговые сдвиги и изменения в возрастной структуре рождаемости. Более того, в 2015 г. отношение СКР по вторым и первым рождениям даже выше, чем наблюдалось в 1990 г. (несмотря на сокращение СКР за эти годы в большинстве стран).

Приведенные данные и анализ позволяют сделать предварительный вывод о том, что в постсоветских странах не произошло переключение модели рождаемости с двухдетной семьи на однодетную. Доля тех, кто рождает второго ребенка, не сократилась с момента распада СССР. В основном сокращение рождаемости в европейской части бывшего СССР произошло за счет увеличения доли тех, кто отказывается заводить детей или откладывает первое рождение.

Третья и четвертая главы сборника также связаны с анализом процессов рождаемости и репродуктивным здоровьем. В третьей главе анализируется применимость модели факторов рождаемости Бонгаарта [Bongaarts 1978; Bongaarts, Potter 1983] к анализу процессов рождаемости в постсоветских странах. Автор главы анализирует факторы целенаправленного контроля над брачной рождаемостью (использование контрацепции и практика искусственных абортов) и их вклад в регулирование рождаемости. Распределение стран по этим показателям [гл. 3: рис. 1: 92] такое, что наиболее низкие показатели по вкладу искусственных абортов в регулирование рождаемости наблюдаются в странах Средней Азии и Балтии, в то время как наиболее высокие показатели по использованию искусственных абортов как способа регулирования рождаемости фиксируются в странах Закавказья, Молдавии, на Украине и в России.

Из четвертой главы можно узнать, что во всех странах бывшего Советского Союза вырос средний возраст вступления в брак [гл. 4: табл. 5: 104]. В наибольшей степени средний возраст вступления в брак увеличился в странах Балтии: на 5-7 лет с 1990 по 2015 г. В этих же странах в наибольшей степени увеличилась доля людей, никогда не состоявших в браке. Незначительно увеличился средний возраст вступления в брак в Азербайджане и Таджикистане, где прирост возраста вступления в брак за это время составил год с небольшим. Но что интересно, модели брачного поведения существенно различаются даже в странах с очень похожими статистическими показателями. Так, например, «в Эстонии доля браков, начинающихся сожителем, очень велика, в Латвии находится на среднем уровне, а в Литве одна из самых низких в Европе» (подробнее см. обзор работ [гл. 4: 128-132]).

В пятой главе [138-155] авторы представили варианты демографического прогноза до 2030 г., который они сделали для России и ещё пяти постсоветских стран (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). Представлены 3 варианта прогноза: вероятный, низкий и высокий. В наиболее вероятном варианте прогноза общая численность населения России и Белоруссии остается примерно на текущем уровне [гл. 5: табл. 8: 152]. В среднеазиатских постсоветских странах и Азербайджане общая численность населения возрастает к 2030 г. во всех вариантах прогноза. В наиболее вероятном варианте прогноза наибольший прирост численности населения ожидается в Казахстане (увеличение почти на

3 млн человек). В Таджикистане при вероятном варианте прогноза продолжается очень быстрый прирост общей численности населения, и к 2030 г. оно становится более многочисленным, чем в Белоруссии и Азербайджане (таблица 1).

Таблица 1. Прогнозная динамика численности населения в вероятном варианте прогноза на период до 2030 г., тыс. чел.

Страны	Исходные данные на 1 января 2016	Вероятный сценарий			Изменения в 2030 г. относительно 2016 г.	
		2020	2025	2030	тыс.	%
Азербайджан	9 705,6	10 136,8	10 568,5	10 913,9	1 208,3	12,45
Белоруссия	9 498,3	9 561,7	9 594,3	9 567,2	68,9	0,73
Казахстан	17 417,7	18 380,9	19 414,1	20 342,3	2 924,6	16,79
Киргизия	6 019,5	6 383,3	6 776,1	7 126,1	1 106,6	18,38
Россия	146 544,7	147 324,4	147 079,8	145 947,1	-597,6	-0,41
Таджикистан	8 551,2	9 266,4	10 159,7	11 037,3	2 486,1	29,07

Источник: Построено по [табл. 8: 152].

Авторы предлагают читателю прогноз возрастной структуры населения анализируемых стран при различных сценариях [гл. 5: табл. 9: с. 154]. Конечно, хотелось бы увидеть прогнозы и оценки по всем 15 постсоветским странам, но даже прогноз возрастной структуры по 6 странам может рассказать о многом.

Потребность в таких оценках связана с тем, что в России идет быстрое сокращение численности населения в трудоспособных возрастах и это усиливает зависимость российского рынка труда от миграционных процессов. Прогноз возрастной структуры постсоветских стран позволяет оценить динамику численности трудоспособного населения в странах, с которыми тесно связан российский рынок труда. Если в странах, являющихся основными источниками трудовых мигрантов в Россию, будет существенно изменяться численность населения в трудоспособных возрастах, это напрямую будет отражаться на будущих миграционных тенденциях.

Используя оценки возрастной структуры для вероятного сценария [табл. 9: 154] и общую численность для вероятного сценария [табл. 8: 152], построим оценки численности населения в активных трудоспособных возрастах от 20 до 65 лет (таблица 2).

Таблица 2. Оценки изменения численности населения в возрастах от 20 до 64 лет в вероятном варианте прогноза на период до 2030 г., тыс. чел.

	Численность населения от 20 до 65 лет				Среднегодовое изменение численности (от 20 до 65 лет)		
	на 1 января 2016	2020	2025	2030	2016-2020	2020-2025	2025-2030
Азербайджан	6 231,0	6 467,3	6 499,6	6 515,6	59,1	6,5	3,2
Белоруссия	6 116,9	5 995,2	5 708,6	5 501,1	-30,4	-57,3	-41,5
Казахстан	10 433,2	10 716,1	10 891,3	11 249,3	70,7	35,0	71,6
Киргизия	3 334,8	3 561,9	3 767,5	4 033,4	56,8	41,1	53,2
Россия	94 521,3	90 899,2	86 335,8	83 481,7	-905,5	-912,7	-570,8
Таджикистан	4 472,3	4 994,6	5 496,4	6 081,6	130,6	100,4	117,0

Источник: Построено по [табл. 8: 152; табл. 9: 154].

Среднегодовые изменения численности показывают, как на определенном временном интервале будет изменяться численность населения в возрастах от 20 до 65 лет.

Как видно из таблицы 2, в России и Белоруссии из активных трудоспособных возрастов ежегодно выходит больше, чем входит в их состав (эта тенденция до 2030 г. наблюдается во всех сценариях и обусловлена текущей демографической структурой). Во всех странах ожидается провал в изменении численности трудоспособного населения в 2020-2025 гг. (связанный с падением рождаемости к 2000 г.) В Азербайджане после 2020 г. прирост численности населения в активных трудоспособных возрастах падает до нуля. В Казахстане – сокращается в 2 раза (с 70 до 35 тыс.). Даже в быстро растущих Таджикистане и Киргизии прирост в 2020-2025 гг. сокращается (хотя и остается существенным). В абсолютном значении 100-130 тыс. человек в год, дополнительно выходящих на рынок труда в Таджикистане, – это существенная величина. Но Таджикистан остается преимущественно сельским, и миграционный потенциал сельского населения Таджикистана (особенно для поколений, родившихся после распада СССР и зачастую уже не владеющих русским языком) для российского рынка труда будет ограниченным.

В следующих двух главах сборника [156-181] дается детальный обзор демографической политики России и постсоветских стран (за исключением стран Балтии).

Когда объектом изучения являются демографические процессы в 15 странах, исключительно важным становится изучение процессов миграции. Анализ миграционных процессов на постсоветском пространстве посвящены две главы сборника. Глава «Долгосрочная миграция между странами СНГ» [182-204] знакомит нас как с историей миграционных процессов в республиках СССР, так и с оценками миграционных потоков между странами бывшего СССР. Авторы анализируют тенденции и причины происходивших миграционных процессов и делятся с читателями своими количественными оценками миграционных потоков.

Общую миграционную картину Советского Союза с 1950 до 1989 г. можно узнать из [табл. 1: 183]. В сборнике представлены оценки миграционного прироста каждой из 15 республик бывшего СССР за 4 десятилетия. Россия являлась крупнейшим «донором» в 50-е и 60-е годы XX века для остальных союзных республик (отрицательный миграционный прирост 2,165 млн человек за 20 лет). В 70-е и 80-е годы у России положительное миграционное сальдо (в 1,892 млн человек), большая часть которого пришлась на 80-е годы XX века. Авторы приводят свои оценки чистых миграционных потоков между странами СНГ [табл. 6, 7, 8: 194-196], из которых можно увидеть структуру миграционных потоков за прошедшие с распада СССР годы.

Основной блок материалов сборника дополняют главы, посвященные отдельным странам. В главе «Демографический прогноз для Киргизии до 2050 г.» [214-244] кроме собственных вариантов прогноза анализируются варианты демографических прогнозов Отдела народонаселения ООН, Бюро цензов США, Центра Витгенштейна (Австрия). Последние три главы книги посвящены актуальным демографическим проблемам Азербайджана, Грузии и Молдавии.

* * *

В сборнике проведен комплексный анализ демографического развития постсоветских стран. В работе читатель сможет найти интересные данные, авторские

оценки, аналитику и демографические прогнозы. Издание может быть полезно всем, кто интересуется демографией России и постсоветских стран. Книга также будет интересна тем, кто интересуется социальной историей Советского Союза второй половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- Демографическое развитие постсоветского пространства (2018). Сборник статей и аналитических материалов / Под редакцией М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова, Р.В. Дмитриева. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Экономический факультет. 367 с.
URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment> (дата обращения: 20.07.2018).
- Bongaarts J. (1978). A framework for analyzing the proximate determinants of fertility // Population and development review. 4(1): 105-132.
- Bongaarts J., G.R. Potter (1983). Fertility, Biology and Behavior: An Analysis of the Proximate determinants. New York: Academic press. 230 с.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE POST-SOVIET STATES

Review of the book “Demographic development of post-Soviet space”

SERGEY SHULGIN

This is a review of the book "Demographic Development of Post-Soviet Space", published in 2018 at the Centre for Population Studies, Faculty of Economics of Moscow State University. The book is devoted to the demographic development of countries that emerged after the collapse of the USSR in 1991. The main emphasis in the book is on the study of the demographic processes of the post-Soviet countries over the past 25 years. The monograph analyzes population changes, fertility and migration, settlement patterns and urbanization, demographic policy and much more. The monograph takes a look at both the Soviet past, in chapters about migration history (starting in the 1950s), and its future, through different possible demographic forecasts for certain post-soviet countries (up to 2030). This review touches upon only a part of the monograph's broad range of topics; for more details, readers are referred directly to the text of the monograph.

Key words: post-Soviet states, USSR, demography, population changes, fertility, migration.

SERGEY SHULGIN (sergey@shulgin.ru), RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (RANEPA), RUSSIA.

DATE RECEIVED : AUGUST 2018.

REFERENCES

- Bongaarts J. (1978). A framework for analyzing the proximate determinants of fertility // Population and development review. 4(1): 105-132.
- Bongaarts J., G.R. Potter (1983). Fertility, Biology and Behavior: An Analysis of the Proximate determinants. New York: Academic press. 230 p.
- Demograficheskoe razvitie postsovetского prostranstva [Demographic development of Post-Soviet space] (2018). Sbornik statey i analiticheskikh materialov [Collection of articles and analytical materials] / M.B. Denisenko, V.V. Elizarov, R.V. Dmitriev, eds. Moscow: Lomonosov MSU. Ekonomicheskij fakul'tet. 367 p. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment> (accessed: 20.07.2018).